
ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Я. Садылек

Карлов университет
Ovoců trh, 11636, Prague
Прага, Чехия

Проблема миграции актуальна во всем мире и требует политики, адекватной современному состоянию общества. В статье анализируется миграционная политика Великобритании, Франции, Германии и России, проводится их сравнительная характеристика.

Ключевые слова: миграция, этническое меньшинство, принимающее сообщество, примордиалистские факторы.

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью современного глобализирующегося мира. Проблема миграции — одна из наиболее острых и злободневных, стоящих как перед мировым сообществом, так и перед каждой отдельной страной.

Возрастающее давление на менталитет, культуру, образ жизни населения принимающей страны, на ее рынок труда, провоцирует рост неприязни и вражды. Во многих странах началась дискуссия по вопросам: «кого надо принять?», «представляет ли принятие множества культурно отличающихся иммигрантов действительную угрозу сплоченности принимающего общества или даже национальной безопасности?», «можно ли посредством иммиграции компенсировать процесс старения населения?» и многим другим. Этими вопросами начали заниматься представители многих стран. В Европе они вышли на первый план в 90-х гг. XX в. Поводом стали трансформации 1990-х гг., которые привели к большей прозрачности границ между Востоком и Западом.

Иммиграционные процессы касаются, конечно, не только стран Европы. Страны Нового Света основаны на иммигрантах, и экономический рост и процветание США и Канады нуждаются в постоянном притоке иммигрантов. Приход иммигрантов является двигателем экономики также и в Австралии. Что касается Азии, в пятерку крупнейших стран, принимающих иммигрантов, входят Малайзия, Таиланд, Япония, Южная Корея и Тайвань [17].

Во всех этих странах приходится решать проблему сосуществования коренных жителей и представителей меньшинств. Но даже страны, не являющиеся основными «приемщиками» иммигрантов, невозможно считать моноэтническими. Современные границы уже не настолько жесткие, чтобы не пропускать «пришельцев». Поэтому проблему сосуществования и толерантности приходится решать также и в бывших моноэтнических странах. Все страны современного мира можно считать полиэтническими, т.е. сообществами, где совместно проживают разные культурные группы с общей социальной культурой.

Присутствие представителей других этносов в социуме с доминирующим населением может вызвать самые различные последствия. Наверное, наиболее важ-

ными факторами, влияющими на характер взаимоотношений, являются примордиалистские факторы (примордиалистские, или первичные, — т.е. раса, территория, родство, язык, религия). Представители меньшинств, которые похожи своими примордиалистскими чертами на доминирующее общество становятся в данном обществе практически невидимыми. Незаметные различия, таким образом, способствуют тому, что, например, присутствие словаков в Чехии, шведов в Дании или украинцев в России не вызывает никаких подозрений со стороны доминирующего общества [14; 16]. Представитель доминирующего общества обращается к представителю меньшинства с точки зрения позиции «презумпции этнической невиновности» [4].

Напротив, серьезные примордиалистские различия усложняют взаимоотношения. Они способствуют появлению барьеров между представителями разных групп, преодоление которых требует усилий с обеих сторон. Примером проблематичного сосуществования являются взаимоотношения турок и немцев в Германии или «пришельцев» из стран Северной Африки и доминирующего общества во Франции.

Проблематичные отношения во втором случае усложняет отсутствие толерантности. Толерантность нужна для того, чтобы проблемы могли быть решены рациональным путем. Отсутствие толерантности или интолерантность, которая проявляется в виде ксенофобии или даже национализма, консервирует или обостряет обстановку. Необходимо добавить, что примордиалистские сходства не означают автоматически сосуществование без проблем. Примером могут стать конфликты немцев из «восточной» и «западной» Германии, которые усложняют совместное сосуществование сограждан в ФРГ (ости, весты, волго-дойч). В настоящее время можно наблюдать рост популярности экстремистских националистических движений. В Европе это касается почти всех стран. Несколько примеров для иллюстрации: восстановление обостренных споров о разделении Бельгии, марши «Национальной гвардии» в Венгрии, французский политик Жан-Мари Ле Пен, дошедший до второго раунда президентских выборов во Франции в 2002 г. (ныне депутат Европарламента) или недавно скончавшийся Йорг Хайдер [19].

Социальные процессы имеют свою природу, с которой нельзя не считаться. Иммиграция — объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия. Вопрос в том, как максимизировать выгоды от иммиграции и минимизировать риски, четко их разделяя [5].

В нашей статье мы стремимся обратить внимание на необходимость комплексного подхода при подготовке иммиграционной политики. Она должна не только устанавливать квоты для иммигрантов, но также готовить условия для включения меньшинств в принимающее общество, а также готовить общество к принятию факта полиэтничности.

Для того, чтобы не допустить развитие различных форм экстремизма, нужна систематическая работа по развитию толерантности в обществе, направленная на признание универсальных прав и основных свобод человека, отказ от догматизма, абсолютизации истины, свободу проявления национальных, религиозных

и других свобод в том случае, если они не противоречат нормам права и морали общества. Это предпосылки для преодоления барьеров, стоящих между доминирующим обществом и меньшинствами.

Проблема иммиграции весьма актуальна в социальном плане. Жизненные тяготы и неудобства, снижение уровня социальных гарантий, безработица напрямую связываются с наплывом иностранцев. Подобные опасения могут быть искусственно раздуваемы заинтересованными в этом группами. Поэтому всем либерально-демократическим странам придется создавать отлаженные системы регулирования иммиграции [7]. Целесообразная политика толерантности противодействует распространению ксенофобии, страхов, направленных как против конкретных этнических общностей, так и против некоего, слабо дифференцированного в массовом сознании конгломерата «чужих» народов [14].

Ксенофобия — это важнейший источник экстремизма: из носителей ксенофобии формируются экстремистские организации. И именно ксенофобия больше всего ограничивает возможности всех форм противодействия экстремизму.

Идеологией, психологией, мировоззрением и социальной практикой, которая борется за исключение всего «чужого», оказывается национализм. Этнические движения можно активизировать и мобилизовать быстрее, чем движения, которые основываются на более сложных размышлениях: знаки и символы этнического членства в современном мире более заметны, чем какие-нибудь другие [16]. Поэтому национализм обладает исключительным потенциалом разрушения, способным нагнетать социальную напряженность в обществе, разжигать конфликты различного масштаба, а в случаях, когда ему не противопоставляются адекватные эффективные меры противодействия, — и уничтожать целые государства [9]. Проповедь национализма получает внимание среди тех, кто привык оценивать сложные социальные процессы в черно-белом цвете. Отсюда и стремление к поиску чудодейственных простых решений: «поднять рождаемость, тогда обойдемся без мигрантов», «платить достойно местному населению — и не будет нужды в гастарбайтерах» [14].

Джеффри Александер объясняет связь между уровнем инклюзивности (готовности распространить солидарность на представителей других этносов) и тем, на чем базируется членство в обществе — на гражданских принципах. Гражданские взаимодействия являются менее откровенными и менее эмоциональными, более абстрактными и заведомо сконструированным, т.е. вместо опоры на биологические или географические факторы, опираются на этические или нравственные качества, связанные с институтами и функциями общества [2].

Имеются три основных подхода к миграционной политике, которые можно показать на примере трех стран: Франции, Великобритании и Германии. Эти три страны шли в своих миграционных политиках разным путем и достигли разных результатов в отношении инклюзивности социума.

Французская модель постоянной иммиграции обеспечивала плавный переход с момента въезда на территорию через поселение к получению гражданства. Это все было обусловлено требованием ассимиляции пришельцев. Подход Франции

к иммиграции традиционно определяли принципы «равенства, свободы и братства», которые всегда считались универсальными, действующими для всех людей. Иммиграционная политика Франции предлагала «пришельцам» членство на гражданской основе взамен за отказ от своей коренной культуры.

Иммиграционная политика Франции прошла длинный путь эволюции. На последние дискуссии и реформы, конечно, повлияли события 2005 г., когда по всей Франции стorerело больше 9000 автомобилей, и менее стихийные события 2006 г., которые обнажили проблемы и противоречия современной Франции и привели к выводу, что нужна более эффективная политика, которая обеспечит включение этнических меньшинств в доминирующее общество. Текущая миграционная политика Франции, как и публичная дискуссия о миграции, не отказывается от идеи ассимиляции. Но сегодня гражданскую ассимиляцию отличают от полной культурной ассимиляции. Целью текущей миграционной политики Франции является борьба с раздроблением общества на многие культурно различающиеся общины. Она включает более строгие условия интеграции, активную кампанию против дискриминации и поощрение к иммиграции квалифицированных работников [21].

Британский мультикультурализм позволил сохранить многие неевропейские традиции, хотя и в рамках ограничений, установленных либеральными политическими институтами. Британская миграционная политика тоже претерпела большие изменения. В начале XXI в. она не совсем отказывается от мультикультурализма, но склоняется к мнению, что Британия как совокупность граждан — это не только объединение общин, но в такой же степени и объединение индивидов. Поэтому документ правительства 2002 г. хотя и провозглашает ценность групповых различий, но также предлагает меры для укрепления гражданской идентичности индивидов и их лояльности британским политическим институтам [13].

Немецкая модель временной рабочей миграции заранее исключала постоянное поселение иммигрантов, что выражалось в политике сегрегации. Общей предпосылкой было то, что «заезжие работники» (*Gastarbeiter*) вернутся позже в свои страны. Этот порядок был подкреплен отсутствием законных установлений, позволяющий превратить «временное проживание» в «вид на жительство» и далее воссоединять семьи. Другими словами, когда Германия принимала «гастарбайтеров», то намеренно построила барьеры, которые сегрегировали пришельцев и коренное население. Но предположение о том, что заезжие работники спустя определенное время вернутся назад в их страны, совсем не оправдалась. Поэтому Германии пришлось полностью менять иммиграционную политику.

Все эти подходы стали проявлять свои недостатки после окончания «периода беспечной иммиграции» после кризиса 1973 г. Все ярче стали выявляться проблемы во всех моделях миграции. Было признано, что ассимиляция не достигает своей цели в современном западном обществе, испытывающем значительный наплыв иммигрантов. Политика ассимиляции привела к нарастанию напряженности, в основном со стороны маргинальных групп — меньшинств. С другой стороны, население Франции является одним из наиболее толерантных среди стран ЕС. Мультикультурализм способствовал развитию межэтнического диалога и в Великобри-

тании. Поэтому здесь не возникло такое напряжение, как во Франции. Но большим недостатком мультикультурализма является то, что он не способствует противодействию национал-радикальным тенденциям. Расцветает агрессивный национализм различных меньшинств, чьи лидеры культивируют идеи особых прав своей группы. Национал-радикалы охотно принимают идею культурной особенности каждой этнической группы и во имя этого призывают к сегрегации и запрету иммиграции. Культ культурного плюрализма в образовании подразумевает и плюрализм идеологический, тем самым постепенно разрушается и табу на национал-радикальные идеи [1]. Не оправдала себя и немецкая практика «гастарбайтерства», предоставлявшая трудовым мигрантам только право временного статуса, но отказывавшая им в интеграции.

В Германии, где в отличие от Франции и Великобритании, происходила сегрегация «пришельцев» и коренного населения, вряд ли могла распространиться в публичном дискурсе готовность признать участие иммигрантов в общей жизни немецкого социума. Поэтому реформа подхода к иммиграционной политике в Германии не может опереться ни на толерантное общество, как во Франции, ни на существующий межкультурный диалог, как в Великобритании.

Результаты исследований общественного мнения «Евробарометр» в 2006 и 2007 гг. [18; 15] показывают разницу в отношениях жителей Франции, Великобритании и Германии к представителям этнических меньшинств и к проблеме толерантности (рис. 1, 2).

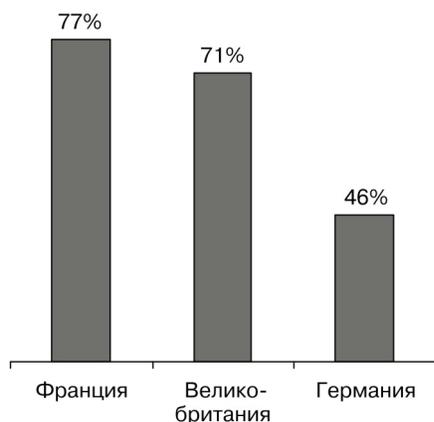


Рис. 1. «У Вас есть друзья или знакомые иного этнического происхождения, чем Вы?» (% ответов «Да»)

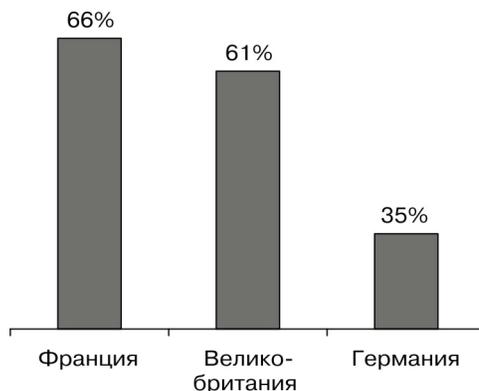


Рис. 2. «Вы бы сказали, что нужно больше депутатов другого этнического происхождения?» (% ответов «Да»)

Диаграмма на рис. 1 показывает заметную разницу между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Германией — с другой. Во Франции и Великобритании представители разных этносов дружат намного чаще, чем в Германии. Эти результаты свидетельствуют о том, что в многонациональной Германии существуют барьеры между доминирующим обществом и представителями других этносов, которых, видимо, нет ни в Великобритании, ни во Франции.

Диаграмма на рис. 2 показывает также значительную разницу между сравниваемыми странами. Желание жителей Франции и Великобритании призвать пред-

ставителей меньшинств в органы власти свидетельствует о том, что они на много более толерантны, чем жители Германии.

Диаграмма на рис. 3 показывает, что степень осознания проблемы дискриминации из трех наблюдаемых стран выше во Франции, далее идет Великобритания и самая низкая — в Германии (среди всех стран ЕС осознают проблему дискриминации как насущную в наибольшей степени жители Швеции — 85%, а в наименьшей — Литвы — 23%) [15].

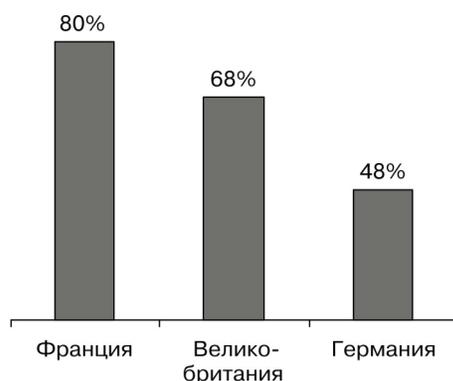


Рис. 3. «По Вашему мнению, распространена ли в Вашей стране практика дискриминации по этническому признаку?» (% ответов «Да»)

В странах, где распространена гражданская солидарность, проблема граждан «пришельцев» воспринимается большинством как проблема всей страны, а ее решение — как полезное для всей страны. Поэтому можно предположить, что политика, направленная против дискриминации, найдет одобрение скорее во Франции или Великобритании, чем в Германии.

Каким путем идет Россия? Базируется гражданская солидарность в российском обществе на примордиальных или на гражданских принципах? Превалирует попытка решать возникшие проблемы рациональным путем или доминируют иррациональные движения, стоящие на ксенофобских и националистических настроениях?

Хотя Россия стала более этнически однородной, чем СССР, где русские составляли 51% населения, она и сегодня остается полиэтничным государством, в котором 17% граждан — не русские [2]. Поэтому (даже если не учитывать приток иммигрантов) возникает проблема сосуществования разных этнических групп в рамках одного государства. Политика, позволяющая согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств, является условием для дальнейшего сохранения России как целостного полиэтничного государства [2].

Ксенофобия как общественно-политическое, идеологическое и бытовое явление стала развиваться в СССР с началом перестройки [3]. Распад СССР был связан с подъемом ксенофобских и националистских движений [5]. В начале 1990-х возникло много организаций, формирующихся под лозунгами этнической враж-

дебности и направляющих в той или иной мере свою активность на разжигание этнической розни в политических и идеологических целях. Но они ослабли, когда национальные движения реализовали многие свои политические цели [1]. Этническое большинство России, напротив, было пассивно в начале 1990-х и активизировалось к концу указанного десятилетия [1]. После экономического кризиса 1998 г. и особенно после серии террористических актов в городах России, начала «второй чеченской войны» рост ксенофобии стал стремительным и неудержимым. Вначале устойчивый рост проявлялся только в динамике античеченских настроений, а после 2000 г. распространился на многие другие разновидности этнических фобий [7]. С конца 1990-х годов возрастает активность русских националистических организаций. Скинхедов в 1991 г. в стране насчитывалось буквально несколько десятков человек, в 2001 г., по данным правоохранительных органов, их число уже превысило 10 тыс., а в 2004 — 33 тыс. [1]. Быстро стала расти и радикально-националистическая установка «Россия для русских». Ее в 1998 г. поддерживало полностью или частично 45% опрошенных и в 2002 г. уже 55% опрошенных [1].

Многие социологи обращают внимание на состояние ксенофобии в России и предостерегают об опасности ее дальнейшего роста. В.И. Мукомель отмечает, что и власти, и политики, и СМИ сегодня делают акцент преимущественно на негативных последствиях притока иммигрантов и формировании «новых диаспор», что оказывает воздействие на общественное мнение: обыватель начинает верить, что ужесточение миграционной политики — во благо общества и его лично [5]. СМИ скорее способствуют, чем препятствуют распространению национал-радикализма. Сегодня в СМИ появляются публикации, доказывающие, что феномен скинхедов якобы просто выдуман правозащитниками по подсказке и за деньги Запада. Подобные взгляды распространяются во всех слоях общества, включая и представителей власти и структур охраны правопорядка [7].

В борьбе с дальнейшим распространением ксенофобских и радикальных настроений бы мог помочь плюрализм общественного мнения. Но в России начиная с конца 1990-х годов государство ограничивает плюрализм мнений, передаваемых общественности через СМИ. Об этом свидетельствуют различные зарубежные и отечественные отчеты [20; 11].

Что касается дискурса публичной политики, он сегодня четко структурирован. Правые, либеральные политики занимают позицию с акцентом на соблюдение прав мигрантов, активной миграционной политики по привлечению иммигрантов, исходя из долгосрочных экономических и демографических интересов России. Левые, национал-патриоты, более озабоченные социальными последствиями миграций, являются сторонниками жесткой линии в области иммиграционной политики. В отличие от национал-патриотов, коммунисты не педалируют национальный вопрос — не обвиняя «иных», а апеллируя к русскому народу [5]. Что касается правящей партии, ситуацию хорошо иллюстрирует факт, что тема иммиграционной политики отсутствовала, например, в ее предвыборной кампании в парламент в 2007 г. В нынешней ситуации в публичной политике нет про-

тивовеса высказываниям национал-патриотов, что способствует только распространению радикальных идей.

Есть даже предположение, что правящие публичные политики используют ксенофобские и националистские настроения граждан — избирателей. Э.А. Паин считает, что росту оппозиции «мы — они», «большинство — меньшинство» в России способствовало сложившееся к концу 1990-х годов представление о государственной политике, как несправедливой, направленной на поддержку одних этнических общностей в ущерб другим [8]. Поэтому во второй половине 1990-х годов, когда уже не было серьезных проявлений сепаратизма (за исключением сепаратизма в Чечне), когда федеративная система была достаточно устойчивой, официальная политика была направлена на ужесточение «вертикали власти», ориентирована не столько на решение проблемы федеративных отношений, сколько на формирование позитивных настроений большинства электората. Не только президент, но и партии, общественные организации, практически ориентированные ученые, пресса — все наперегонки устремились «обслужить новые общественные настроения» [8]. И такая политика действительно нашла поддержку среди граждан: 65% россиян считают, что нынешний курс направлен на защиту интересов русских, их национальных ценностей, традиций. Только 15% россиян хотели бы видеть большую защиту интересов этносов и иммигрантов [10].

Неудивительно, что огромное количество политических деятелей пытается играть на негативных этнических стереотипах [7.] Очень похоже, что поведение государства — одна из основных причин роста этно-ксенофобии в обществе в целом [1]. Постепенный приход национал-радикалов в мейнстрим становится просто неизбежным и ограничивается преимущественно степенью их готовности к такому переходу. Чем меньше люди, не являющиеся этно-националистами, отделяют себя от таковых, тем более легитимным становится этно-национализм [1].

У России есть шанс воспользоваться опытом других стран, есть шанс избежать самых тяжелых ошибок, которые допустили Франция, Германия и Великобритания. В общих чертах это может означать уклонение от сегрегации и построение политики, состоящей из мультикультурализма и ассимиляционизма, адаптированных для специфики России.

Нынешнее положение, в котором находится Россия, не вызывает оптимизма. Если правящие элиты скоро не примут всерьез нынешнюю динамику развития ксенофобии, националистской идеологии и не попытаются с ней бороться, можно предположить, что произойдет дальнейшее обострение обстановки. Такое обострение может проявиться во многих формах: в общественных беспорядках, преступности, насилии и т.д. Можно также ожидать ответную реакцию со стороны оскорбленных этносов, обратное возрождение националистических движений, которые ослабли во второй половине 1990-х. гг. Заново появившиеся требования автономности могли бы стать действительной угрозой целостности России и привести к дестабилизации во многих регионах России. Это, скорее всего, более пессимистические прогнозы, но в любом случае решение проблемы будет необходимо тем же правящим элитам, только через определенное время. И как минимум

значительно усложнит осуществление какой-нибудь систематической миграционной политики. Поэтому откладывание решения проблем, или даже участие в их обострении, которое можно наблюдать в настоящее время, оказывается безответственным. Тем более, что стабильность России влияет не только на ее граждан, но существенно содействует стабильности всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верховский А.М.* Зарубежный опыт профилактики и противодействия распространения ксенофобий: Можно ли сбить национал-радикальную волну в России? // Толерантность против ксенофобии / Под ред. В.И. Мукомеля, В.И. и Э.А. Паина. — М., 2005.
- [2] *Дробизева Л.М.* Этничность в современном обществе // Мир России. — 2001. — № 2.
- [3] *Куликов К.И.* Кому выгодна ксенофобия. — Ижевск, 1996.
- [4] *Мацковский М.* Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. — 2002. — № 3—4.
- [5] *Мукомель В.И.* Миграционная политика России. — М., 2005.
- [6] *Общественное мнение 2007.* — М., 2007.
- [7] *Паин Э.А.* Ксенофобия и этнополитический экстремизм в России: О причинах неэффективности противодействия // Толерантность против ксенофобии / Под ред. В.И. Мукомеля, В.И. и Э.А. Паина. — М., 2005.
- [8] *Паин Э.А.* Этнополитические маятники в постсоветской России // Куда пошла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. — М., 2003.
- [9] *Петрищев В.Е.* Ксенофобия, национализм и экстремизм в современном обществе // Мир и согласие. — 2007. — № 4 (33).
- [10] Пресс-выпуск № 603. Россия для русских — идея для всех? [Электронный ресурс] — Электрон. дан.: ВЦИОМ. Москва. 2006 — Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3772.html?no_cache=1&cHash=d130cdae66&print=1, свободный. — Загл. с экрана.
- [11] *Стонер-Вайсс К.* Страны на распутье. 2008. Российская Федерация. — Freedomhouse, 2008.
- [12] *Alexander J.* Ústřední solidarita, etnická okrajová skupina a sociální diferenciace // Etnická různost a občanská jednota. Ed.by Marada.
- [13] *Baršová A. Barša P.* Přistěhovalectví a liberální stát. Imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. Mezinárodní politologický ústav. — Brno, 2005.
- [14] *Dimitrová M.* Чехи и толерантность [Электронный ресурс] — Электрон. дан.: CVVM AVČR — Режим доступа: http://www.cvvm.cas.cz/upl/zpravy/100780s_ov80430.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
- [15] Discrimination in the European Union. Special Eurobarometer 263 // TNS Opinion & Social. 06.07. 2006. European Commission, 2007.
- [16] *Gellner E.* Nacionalismus. — Brno, 2003.
- [17] *Graeme H.* Migration in the Asia-Pacific region c.10 National Centre for Social Applications of GIS 2005. [Электронный ресурс] — Электрон. дан.: ИОМ — Режим доступа: http://www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/rs/RS2.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
- [18] Intercultural dialogue in Europe. Flash Eurobarometer 217 // The Gallup Organization. 11.2007. — European Commission, 2007.
- [19] *Mughan A., Paxton P.* Anti-Immigrant Sentiment, Policy Preferences and Populist Party Voting in Australia // British Journal of Political Science. — Vol. 36. — № 2. — P. 341—358. — Cambridge University Press, 2006.

- [20] *Orttung R.W.* Nations in Transit. Russia 2006. — Freedomhouse, 2007.
- [21] *Shields J.G.* The Sarkozy Effect: France's New Presidential Dynamic // *Georgetown Journal of International Affairs*. — Winter 2008. — 9. — 1. Academic Research Library pg. 103 [Электронный ресурс] — Электрон. дан.: CVVM AVČR — Режим доступа: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=8&did=1536990311&SrchMode=1&sid=6&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1227256439&clientId=45231>, подписка. — Загл. с экрана.

IMMIGRATION POLICY AND INTERETHNIC TOLERANCE

J. Sadilek

Charles University in Prague
Prague, Czech Republic

The problem of migration is gaining in importance throughout the world and involves the appropriate policy compatible with the contemporary state of society. The article offers the insight into migration policies in Great Britain, France, Germany and Russia and provides their comparative analysis.

Key words: migration, ethnic minority, receiving community, primordialistic factors.